

*КАЛЮЖНАЯ Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России. Автор 30 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9167-6652>

ПРОЕКТЫ БОРЬБЫ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПЬЯНСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье исследуются проекты борьбы с крестьянским пьянством, обсуждавшиеся в местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 годы. Рассматривается отношение участников комитетов к пьянству как социальной, экономической и медицинской проблеме. Выделяются факторы, обозначенные членами комитетов как провоцирующие крестьянское пьянство: винная монополия (которая привела к увеличению нелегальной торговли), большое количество праздников, традиции распития спиртных напитков в связи с общественно значимыми событиями. Анализируются выделенные участниками местных комитетов основные негативные явления крестьянской жизни, вызванные пьянством: экономический упадок, падение нравственности, рост преступности, а также увеличение количества заболеваний (прежде всего психических). Обозреваются основные проекты борьбы с пьянством, которые обсуждались в уездных и губернских комитетах. Предложенные в комитетах проекты можно условно сгруппировать по следующим направлениям: меры по вытеснению водки менее крепкими спиртными напитками (в частности пивом); меры по ограничению употребления и реализации водки (запрет на продажу в праздники и во время общественно значимых событий, а также полный запрет на производство и продажу); ужесточение наказаний в отношении пьяниц; меры просветительского характера. Однако в реальности принятые комитетами решения были менее жесткими и выдвигали на первое место мероприятия по сокращению употребления спиртных напитков на улице, ограничение мест и времени продажи водки, а также духовно-нравственное просвещение крестьян учителями и представителями духовенства.

Ключевые слова: *борьба с пьянством, винная монополия, водка, крестьянство, крестьянская повседневность, пьянство.*

*Адрес: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е; e-mail: kalyuzhka@list.ru

Для цитирования: Калюжная О.В. Проекты борьбы с крестьянским пьянством в Российской империи в начале XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V197

Пьянство как социальная проблема было заметным явлением в крестьянской жизни России рубежа XIX–XX веков. Вместе с тем особенностью данной проблемы является ее присутствие в российской повседневной деятельности на протяжении длительного временного отрезка, включающего наши дни. В связи с этим обращение к опыту борьбы с пьянством представляет важную историографическую и общественно-политическую задачу. Основным аспектом изучения данного опыта является рассмотрение проектов, направленных на уменьшение/ликвидацию пьянства, которые были предложены различными акторами общественно-политической жизни России, поскольку в них нашли свое отражение концепции понимания этого явления (пьянство как медицинская проблема, пьянство как фактор развития преступности, пьянство как показатель нравственного и духовного упадка деревни и т. д.), а также представления об эффективности тех или иных мер воздействия.

Одним из наиболее ценных и при этом не введенных в рамках исследования «пьяного вопроса» источников, в которых нашли свое отражение представления и проекты борьбы с крестьянским пьянством в начале XX века, являются труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые работали в 1902–1903 годах под руководством уездных предводителей дворянства и губернаторов соответственно при участии представителей земства, местной администрации, а также приглашенных лиц (в числе которых были землевладельцы, земские служащие, реже – священнослужители и крестьяне). Сам вопрос о мерах борьбы с пьянством не входил в непосредственный круг проблем, предложенных для обязательного обсуждения комитетам, однако во многих из них был поднят факультативно.

Отметим, что к настоящему времени в отечественной историографии имеется целый ряд исследований, посвященных борьбе с пьянством в России на рубеже XIX–XX веков. Условно их можно разделить на несколько групп. В первую из них входят работы общего характера, посвященные вопросам политики правительства,

нацеленной на борьбу с пьянством в условиях винной монополии, часть из которых вышла еще в досоветский период [1–5]. Вторая группа представляет собой труды, отражающие деятельность обществ трезвости, православных братств и иных организаций по борьбе с пьянством [6–9]. Третью группу образуют статьи о формировании антиалкогольного законодательства в рамках деятельности Государственной думы [10–12].

Также добавим, что о пьянстве как социальной проблеме говорится и в трудах зарубежных исследователей [13–16]. При этом ни в российской, ни в зарубежной историографии проекты борьбы с пьянством, предложенные местными комитетами Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, не нашли своего отражения.

В периодической печати конца XIX века отмечался катастрофический масштаб проблемы: «Весна у нас – сезон пьянства, когда, не смотря на материальный недостаток во всем необходимом, выпивается самое большое количество водки, когда наши винолюбцы пьют не сороковками или полштофами, а прямо ведрами, ведрами до края, или, как говорится, пьют без меры и без края...» [17].

Употребление большого количества водки, по сообщениям корреспондентов провинциальных газет, было связано с традициями «обмывания» сделок и вообще любых общественно значимых событий, включая передел земли и выборы должностных лиц, а также с многочисленными праздниками: «Первая пирушка была на Успенье, – и на этот раз, зная, ввиду хорошего нынешнего урожая, православные так кутнули, что в глазах их луна заметалась по небу, словно ее и в самом деле черт с руки на руку перекидывал, а земля восколебалась под ногами у них до такой степени, словно тут землетрясение случилось» [17; 18].

Великолукский и Опочечкий уездные и Оренбургский губернский комитеты называли пьянство, наряду с недостатком образования, малоземельем и правовой обособленностью крестьян, одной из главных причин упадка

сельскохозяйственной промышленности в России [19, с. 114, 132; 20, с. 94]. Наглядной иллюстрацией этого явления были многочисленные народные поговорки и пословицы: «Неделю приготавливаемся, по три дня опохмеляемся, день-два на боку валяемся, а потом уж за работу принимаемся», «Дела на полтину, а могоарычей на рубль», «Работа денежку копит, хмель денежку топит», «Вино полюбил – семью разорил», «С вином поводишься, нагишом находишься» [21, с. 601–602].

Употребление значительного количества спиртного являлось социальной, экономической и медицинской проблемой. О том, что «водка – главный бич крестьянского благосостояния», говорили и сами крестьяне, опрошенные отдельными комитетами. Особо подчеркивалось, что траты на спиртное на наиболее значимых праздниках могли бы покрыть расходы крестьянина на протяжении 3–4 месяцев [19, с. 146–147]. По мнению крестьян, значительное употребление спиртного приводило к «разгулу среди молодежи», сопровождавшемуся драками и буйством [19, с. 147].

Ранее возглавлявший Опочецкую земскую уездную управу губернатор Плоцкой губернии И.А. Янович в докладе о причинах упадка сельского хозяйства говорил, что кабаки разнуздывали крестьянские нравы и довел население до того, что «крестьяне-домохозяева в местные праздники, напиваясь до потери рассудка, поли водкой не только подростков, но и грудных детей; благодаря этому среди крестьян редко кто не пьет водки, и пьют ее без отвращения женщины», в результате чего участились случаи неповиновения детей родителям, семейных неурядиц и краж [19, с. 227].

Высока была роль водки в общественной жизни крестьянства. Земский начальник П.А. Слепцов в докладе о проблемах сельского управления отмечал, что обсуждение практически любых общественных дел становится поводом к попойке в связи с распространенной практикой поднесения благодарности в виде «могоарычей», особенно после крестьянских выборов [22, с. 314]. Кроме того, по оценкам

местных землевладельцев, обычно пропивались и суммы штрафов, взимаемых в пользу крестьянских обществ [21, с. 273]. Н.И. Родзевич в докладе Рязанскому уездному комитету указывал, что водкой решались часто и различные вопросы имущественного и семейного характера на сходах [21, с. 437]. Водка, по данным отечественных исследователей, нередко царилла и в волостных судах [23, с. 136; 24, с. 147].

Местные комитеты во многом связывали пьянство с большим количеством праздников (в первую очередь церковных) в году [21, с. 272; 22, с. 388]. На заседаниях Великолуцкого комитета (Псковская губерния) отмечалось, что праздничные дни в итоге «вовсе не посвящаются Господу Богу, а скорее врагу Его Дьяволу»: местное население не работает, а «бразничает и растрчивает свои последние заработки» [19, с. 113].

Земский начальник граф С.Н. Коновницын рассматривал проблему пьянства как социальное зло, приводящее к увеличению числа преступлений и заболеваний (особенно психических), падению нравственности и работоспособности. В частности, по приведенным им данным, в конце XIX века в Казанской губернии 43 % уголовных преступлений было совершено алкоголиками, а смерть 57 % вскрытых в судебно-медицинском кабинете тел наступила в результате алкоголизма. По данным подведомственного ему участка, за 1898–1901 годы с пьянством были связаны 62 % краж имущества и 82 % случаев конокрадства [21, с. 596].

О том, что алкоголь негативно влияет на здоровье, говорили и члены Бузулукского комитета (Самарская губерния): «Потомство алкоголиков вырождается в идиотов, помешанных, неврастеников, эпилептиков и вообще в людей с неправильной организацией, отсюда целый ряд всевозможных преступлений» [25, с. 332]. Это вызывало тревогу местных комитетов и представленных в них земских деятелей.

Опочецкий комитет (Псковская губерния) объяснял увеличение пьянства винной монополией, поскольку в связи с ее появлением стало больше «тайных кабаков», хотя и с оговоркой, что «на улице шатающихся пьяных становит-

ся менее заметно» [19, с. 127]. Об этом говорили и приглашенные для участия в заседании Саратовского уездного комитета крестьяне: «Шинки теперь не редкость: через 2 двора в 3 – шинок, и торгуют водкой почти открыто; убытки от штрафов возмещают очень высокой продажной ценой на водку, так что выходит, что штрафы платят потребители вина; заключения в тюрьме не боятся, да и редко бывают случаи обнаружения тайной виноторговли...» [22, с. 552].

Комитеты не всегда предлагали в своих решениях конкретные действия. Так, Великолуцкий комитет ограничился общей формулировкой о необходимости принятия «более действенных мер» [19, с. 114]. В Рязанской губернии Скопинский комитет выступил за принятие мер по сокращению торговли вином [21, с. 625].

Вместе с тем ряд комитетов принял содержательные постановления о желательных мерах по борьбе с пьянством. Для части комитетов приоритетными считались меры воспитательно-просветительского характера. Так, Верхнеднепровский комитет (Екатеринославская губерния) решил бороться с пьянством с морально-этических позиций за счет учреждения в каждой волости обществ трезвости и надзора за нравственностью, в функции которых определялись просветительская деятельность и «публичные увещевания», а также обвинение пьяниц в суде и опека над их имуществом в случае принятия репрессивных мер [26, с. 54–55].

Во Владимирской губернии Юрьевский комитет поддержал записку землевладельца А.П. Грессера о необходимости сокращения праздников в деревне, которые сопровождаются «безбашным разгулом и пьянством», а также его пожелания об учреждении распивочных заведений в целях уменьшения уличного пьянства [27, с. 175, 184].

Большая часть комитетов в своих решениях делала акцент на вопросах регулирования продажи спиртного. В частности, комплекс мер предложил в своем заключении Бугурусланский комитет (Самарская губерния): упрощение

производства по преследованию нарушений продажи вина, усиление надзора за шинкарством, ходатайство о предоставлении права сельским обществам запрещать открытие винных лавок на их территории [25, с. 20, 302, 309].

Последняя мера была также поддержана Симферопольским комитетом (Таврическая губерния), который мотивировал это следующим образом: «фискальный интерес не может быть предпочтен перед бесспорным и безусловно полезным правом сельского общества не допускать у себя открытие питейных лавок, расстраивающих благосостояние членов его». Также комитет высказался за сокращение числа праздников и вменение в обязанность учителям и духовенству «собеседований о вреде праздности и пьянства» [28, с. 22].

Бузулукский комитет выступил за ограничение размеров порций продаж водки навывнос (не более $\frac{1}{4}$ ведра) и введение горячих закусок в тех заведениях, где спиртное продавалось для непосредственного распития на месте (в целях уменьшения вреда для здоровья), и отметил, что нужно способствовать в этих целях развитию трактиров и гостиниц и уменьшению числа кабаков (с оговоркой, что без «энергичной деятельности» правительства в этом вопросе дело уменьшения пьянства «мало подвинется вперед») [25, с. 332].

Сосницкий комитет (Черниговская губерния) постановил ужесточить наказания за незаконную торговлю водкой и ограничить продажу спиртного в те дни, на которые приходился пик пьянства: в праздники и «высокопраздничные дни», во время заседаний сельских и волостных сходов, волостных судов, рассмотрения дел у земских начальников [29, с. 391].

Схожей позиции придерживался Ямбургский комитет (Санкт-Петербургская губерния), который постановил на время заседаний волостного суда и волостных сходов закрывать винные лавки, находящиеся в радиусе 4 верст от мест проведения этих заседаний, а также разрешать открывать винные и пивные лавки только с согласия сельских обществ [30, с. 94].

Программные заключения Санкт-Петербургского губернского комитета по этому вопросу (в развитие предложений Ямбургского комитета) сводились к следующему. Во-первых, ввести разрешение на открытие винных лавок только с согласия сельских обществ. Во-вторых, упростить порядок открытия пивных лавок в целях постепенного вытеснения крепкого алкоголя. В-третьих, ограничить возможности массового распития спиртного за счет закрытия винных лавок в районе 4 верст от мест призыва новобранцев на протяжении всей сессии воинского призыва, а также за счет сокращения деревенских праздников (престольных и иных) при активной просветительской деятельности духовенства [30, с. 4].

В схожем ключе были и постановления Оренбургского губернского комитета. Они были направлены на следующие составляющие этой проблемы. Во-первых, борьба с уличным пьянством («вино, выпиваемое на улице без закуски, отравляет организм») за счет открытия при винных лавках помещений для распития купленной в них продукции с разрешением продажи там различных закусок. Во-вторых, предоставление широких прав сельским обществам по закрытию винных лавок на их территории. В-третьих, нравственное развитие и просвещение населения за счет школ и духовенства [20, с. 46–47].

Отдельно отметим решение Калужского губернского комитета, занявшего наиболее жесткую позицию в борьбе с пьянством именно с медицинской точки зрения. Руководствуясь положениями доклада председателя губернской земской управы Д.И. Ртищева о пагубном влиянии водки на «народное здравие и все потомство», грозящем физическим и нравственным вырождением деревни, комитет принял решение ходатайствовать перед правительством о полном прекращении торговли спиртом и водкой, оставив их производство исключительно в технических и медицинских целях [31, с. 10].

Суждения отдельных участников местных комитетов отличались большей вариабельностью. Например, будущий октябрист, рязанский

земский деятель Д.А. Леонов видел корень зла в винной монополии: «Пока прибыль от торговли вином является краеугольным камнем нашего государственного бюджета, нечего и думать ни об обогащении населения, ни о его оздоровлении» [21, с. 632].

Члены Харьковского уездного комитета полагали, что следует сделать ставку на покровительство пивоварению в целях постепенного вытеснения водки. В качестве примера приводились остзейские области, в которых торговавшие пивом корчмы «не были местами пьянства, а, наоборот, чем-то вроде народных клубов» [32, с. 408]. Такую же меру предлагал и И.С. Гуленко Тамбовскому уездному комитету [33, с. 379–380]. Схожий проект вытеснения водки менее крепкими напитками (настойками и наливками крепостью до 15–20°) озвучил землевладелец Я.А. Харкевич. Мотивация была следующей: во-первых, стоимость их производства дешевле водки, что позволило бы казне получить дополнительную прибыль, которую можно было бы направить на развитие народного хозяйства; во-вторых, распространение плодово-ягодных спиртных напитков будет способствовать увеличению разведения ягодных и фруктовых деревьев и кустарников в деревне, что позволит разнообразить скудный крестьянский рацион, отчего «получился бы только общий выигрыш» [34, с. 132].

Члены Опочецкого комитета отмечали, что местным властям следует более строго относиться к распитию спиртного на улице, возле винных лавок [19, с. 127]. Уже упоминавшийся нами И.А. Янович предлагал повысить стоимость спиртного [19, с. 131]. С этим были согласны и некоторые опрошенные крестьяне, хотя и признавали, что в таком случае употребление лишь незначительно сократится, а «окончательно же перестать пить едва ли заставит крестьян и самая высокая цена» [19, с. 147]. Управляющий Вельского удельного округа Р.Ф. Астафьев добавлял, что нужно не просто повысить стоимость водки, но и направить эту разницу в цене на развитие народного образования [35, с. 94].

А.В. Поваровский в своем докладе выступал за регламентацию продажи спиртного. По его мнению, следовало закрыть пивные лавки, торгующие навынос, поскольку на практике с купленными напитками крестьяне шли в чайные, «где идет пьянство, не разбирая времени». Также должна была быть остановлена торговля в винных лавках в воскресные и праздничные дни, во время ярмарок и «разных народных сборищ» [19, с. 159–160].

Оригинальный способ был указан в докладе (без указания авторства) о борьбе с пьянством в Опочецком комитете. Пьяниц планировалось снабдить именными книжками с фотографиями, в которых местные власти должны были указать индивидуальную норму употребления спиртного («зажиточному можно назначить побольше, а бедному меньше»). Продажа водки должна была происходить по предъявлению такой книжки и с обязательной отметкой торговца о дате продажи и количестве отпущенного [19, с. 161].

Рассматривая пьянство как медицинскую проблему, земский начальник граф С.Н. Коновницын предлагал признать борьбу с алкоголизмом одним из приоритетов политики правительства, учредить за счет государства сеть лечебных учреждений и колоний для алкоголиков, ввести возможность принудительного лечения (в том числе для совершивших преступления лиц, которых следовало отделить от обычных преступников), проводить просветительскую работу (в том числе чтение лекций о вреде спиртного в школах). Сам алкоголь планировалось признать сильнодействующим ядом и постепенно изымать алкогольные напитки из народного потребления. В этих целях, в частности, предлагалось поощрять производства денатуризованного спирта для использования его затем при обогревании и освещении помещений, причем степень денатурации должна была быть такой, чтобы при переработке невозможно было получить пригодный для употребления напиток. Эти меры, по его мнению, должны были в итоге снизить преступность и случаи нищенства, как непосред-

ственно связанные с пьянством [21, с. 597–598, 602–603].

Имелись и более жесткие предложения. Так, врач В.В. Зарембо призывал ходатайствовать перед правительством о полном уничтожении винокурения и изъятии из употребления вина, которое должно было выпускаться в ограниченном количестве и отпущаться только по рецепту врача [19, с. 131]. К такому же выводу пришла и соответствующая комиссия Саратовского уездного комитета [22, с. 552]. В Уфимской губернии гласный Бирского уездного земского собрания В.В. Посников, также являвшийся сторонником таких мер, предлагал и меры замещения выпадающих в этом случае доходов казны от винной монополии: «Вопроса об убытках для казны в данном случае собственно быть не может, так как вред от употребления вина ни с какими доходами сравнить нельзя; возместить же тот ущерб в доход казны, который произойдет от запрещения винокурения и продажи спиртных напитков, можно было бы наложением государственной подушной подати, общая сумма которой равнялась бы последнему доходу казны от винокурения и продажи вина» [36, с. 107].

Однако это расценивалось как исключительная мера. Даже крестьяне, бывшие сторонниками резкого сокращения продажи спиртного, отмечали, что без водки не обходится ни одно значимое событие в их жизни, и с уничтожением винокурения либо появятся тайные винокурни, либо водка будет заменена самогонем [19, с. 147].

И.А. Янович выступал за ужесточение наказаний за беспатентную торговлю водкой и ее употребление на улицах у винных лавок [19, с. 227]. К. Ануфриев предлагал Опочецкому комитету ходатайствовать о телесных наказаниях за пьянство среди молодежи, право на применение которых получили бы волостные суды [19, с. 151].

Священник А.И. Троянский в докладе Карсунскому комитету (Симбирская губерния) отмечал необходимость введения общественных работ в качестве наказания для «безработ-

ных пьяниц», а также для лиц, распивающих водку на улице и на публичных собраниях, в том числе сельских и волостных сходах [37, с. 353]. Барон В.Е. фон Менгден говорил о желательности усиления наказаний за ряд проступков (поджоги, конокрадство и т.д.), если они совершались пьяными [33, с. 198]. В докладе Воронежскому губернскому комитету землевладелец Б.Ф. Лопатинский указывал на необходимость обязательного (принудительного) переселения крестьян, уличенных в пьянстве [34, с. 50].

Земский начальник Ф.Ф. Моргенштиерн и уездный предводитель дворянства Н.Д. Юматов на заседаниях Вольского комитета (Саратовская губерния) акцентировали внимание на нравственной составляющей проблемы, доказывая, что здесь пользу может оказать духовенство со своей разъяснительной работой, а также учреждение чайных-читален в противовес винным лавкам и уменьшение числа праздников [22, с. 388, 446]. О такой возможности заявляли и сами священники, в частности в Симбирской губернии в Сызранском комитете [37, с. 507].

Таким образом, в заключение можно отметить ряд причин народного пьянства и сформировавшихся в недрах местных комитетов подходов в вопросе борьбы с крестьянским пьянством. И в черноземных, и в нечерноземных губерниях к причинам относили устоявшиеся крестьянские традиции (употребление спиртного в многочисленные праздники, а также в связи с общественно значимыми событиями – выборами должностных лиц, решениями сельских и волостных сходов и волостных судов), а также винную монополию, которая привела к широкой нелегальной торговле. Отдельной проблемой становилось отмеченное в Псковской губернии женское пьянство и спаивание детей.

Само пьянство рассматривалось с нескольких точек зрения: как медицинская проблема (приводящая к развитию различных заболеваний, прежде всего психических), проблема со-

циальная (падение нравственности, увеличение количества драк и преступлений) и проблема экономическая (трата значительной части крестьянского бюджета на спиртные напитки).

Соответственно, принятые комитетами решения условно можно разделить на меры воспитательно-просветительского характера, меры регулирования торговли спиртным и меры медицинского воздействия. Среди тех мер, которые были поддержаны и предложены комитетами, на первом месте было открытие винных лавок только с разрешения сельских обществ. На втором месте были предложения по открытию различных заведений и изменению форматов торговли, которые должны были минимизировать уличное пьянство. На третьем месте находились меры по ограничению времени и места продажи водки, а также духовно-нравственное просвещение населения. Менее всего делался акцент на следующих возможных способах борьбы: ужесточение надзора за торговлей и наказаний за ее незаконный характер, ограничение размеров разовой покупки водки, запрет на ее продажу.

При этом диапазон предложений, которые обсуждались в самих комитетах, был гораздо шире. Их можно сгруппировать по нескольким блокам: меры по замене водки менее крепкими спиртными напитками; меры по ограничению употребления и реализации водки (включая запрет); ужесточение наказаний по отношению к пьяницам; меры просветительского характера. При этом сами авторы проектов были в целом настроены более решительно (предложения о запрете продажи водки были одними из наиболее часто встречающихся). Кроме того, если на уровне комитетов не было принято решений о мерах воздействия по отношению к самим пьяницам, то участники дискуссий в комитетах уделяли этой стороне вопроса немало внимания, предлагая такие варианты решений, как переселение пьяниц, ужесточение наказаний за совершение преступлений в состоянии опьянения, а также телесные наказания за сам факт пьянства.

Список литературы

1. Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2002. 201 с.
2. Сафронов С.А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов: моногр.: в 2 т. Т. 2: От казенной винной монополии С.Ю. Витте до «сухого закона». Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 546 с.
3. Сикорский И.А. Основы алкогольной политики в России. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. 24 с.
4. Фридман М.И. Винная монополия в России. М.: О-во купцов и промышленников России, 2005. 555 с.
5. Янжул И.И. История пьянства и борьбы с ним. СПб., 1908. 43 с.
6. Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX в.: из истории проблемы: моногр. / Омск: Омск. юрид. ин-т, 2006. 136 с.
7. Любушкина Е.Ю. Общественные организации России в борьбе с алкоголизмом во второй половине XIX – начале XX вв.: социальные практики // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 101–107. DOI: [10.37494/2409-1030-2019-4-101-107](https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-4-101-107)
8. Стогов Д.И. Участие дореволюционных правых организаций в деятельности по борьбе с пьянством // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова. СПб.: Астерион, 2021. С. 124–130.
9. Шевченко И.А., Черных Е.В. Попечительства о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона» // Научный диалог. 2021. № 1. С. 426–450. DOI: [10.24224/2227-1295-2021-1-426-450](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-426-450)
10. Стогов Д.И. Рассмотрение в Четвертой Государственной думе законопроектов, направленных на ограничение оборота алкогольной продукции (1914–1916 гг.) // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, 10–11 декабря 2020 г.: сб. науч. ст. в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2021. Ч. 1. С. 133–138.
11. Шевченко И.А. Вопрос о «кабацкой конституции» русской деревни в представительных учреждениях России начала XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 4(13). С. 18–25. DOI: [10.24411/2541-9056-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2541-9056-2019-00003)
12. Шевченко И.А. Вопрос о народной трезвости в III Государственной Думе (1907–1912) // Научный диалог. 2019. № 1. С. 257–268. DOI: [10.24224/2227-1295-2019-1-257-268](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-257-268)
13. Engel B.A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 254 p.
14. Stavrou T.G. Russia Under the Last Tsar. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969. 265 p.
15. The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press / ed. by W.S. Vucinich. Stanford, 1968. 314 p.
16. Worobec C.D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. 257 p.
17. Псковский городской листок. 1892. 27 мая.
18. Смоленский вестн. 1892. 16 сентября.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXIII (Псковская губерния). 349 с.
20. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXVII (Оренбургская губерния). 196 с.
21. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXIV (Рязанская губерния). 662 с.
22. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXVII (Саратовская губерния). 673 с.
23. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: моногр. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. 152 с.
24. Сорокин А.А. Крестьянский волостной суд Российской империи в оценках общественности конца XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 417. С. 147–154. DOI: [10.17223/15617793/417/21](https://doi.org/10.17223/15617793/417/21)

25. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXV (Самарская губерния). 622 с.
26. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XII (Екатеринославская губерния). 286 с.
27. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. VI (Владимирская губерния). 186 с.
28. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XL (Таврическая губерния). 268 с.
29. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLVII (Черниговская губерния). 442 с.
30. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXVI (Санкт-Петербургская губерния). 99 с.
31. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XIV (Калужская губерния). 326 с.
32. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLV (Харьковская губерния). 510 с.
33. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLI (Тамбовская губерния). 471 с.
34. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. IX (Воронежская губерния). 156 с.
35. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. VII (Вологодская губерния). 338 с.
36. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLIV (Уфимская губерния). 347 с.
37. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXVIII (Симбирская губерния). 540 с.

References

1. Nikolaev A.V. *Bor'ba s p'yanstvom i alkogolizmom v 1894–1932 gg.: opyt otechestvennoy istorii* [Fighting Against Drunkenness and Alcoholism in 1894–1932: Russian History Experience: Diss.]. Tolyatti, 2002. 201 p.
2. Safronov S.A. “P'yanyy vopros” v Rossii i “sukhoy zakon” 1914–1925 godov. T. 2: *Ot kazennoy vinnoy monopolii S.Yu. Witte do “sukhogo zakona”* [The Question of Drunkenness in Russia and the Dry Law of 1914–1925. Vol. 2: From S.Yu. Witte's State Monopoly on Alcohol to Prohibition]. Krasnoyarsk, 2017. 546 p.
3. Sikorskiy I.L. *Osnovy alkogol'noy politiki v Rossii* [Fundamentals of Alcohol Policy in Russia]. Kiev, 1912. 24 p.
4. Fridman M.I. *Vinnaya monopoliya v Rossii* [Monopoly on Alcohol in Russia]. Moscow, 2005. 555 p.
5. Yanzhul I.I. *Istoriya p'yanstva i bor'by s nim* [The History of Drunkenness and the Fight Against It]. St. Petersburg, 1908. 43 p.
6. Bykova A.G. *Alkogolizm i p'yanstvo v Rossii v XIX – nachale XX v.: iz istorii problemy* [Alcoholism and Drunkenness in Russia in the 19th – Early 20th Centuries: From the History of the Problem]. Omsk, 2006. 136 p.
7. Lyubushkina E.Yu. *Obshchestvennye organizatsii Rossii v bor'be s alkogolizmom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: sotsial'nye praktiki* [Public Organizations of Russia in Fight Against Alcoholism in the Second Half of XIX – Early XX Century: Social Practices]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2019, no. 4, pp. 101–107. DOI: [10.37494/2409-1030-2019-4-101-107](https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-4-101-107)
8. Stogov D.I. *Uchastie dorevolyutsionnykh pravyykh organizatsiy v deyatelnosti po bor'be s p'yanstvom* [Participation of Pre-Revolutionary Right-Wing Organizations in the Fight Against Drunkenness]. Nikolaev A.B. (ed.). *Gertsenovskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy russkoy istorii* [Herzen Readings 2020. Topical Problems of Russian History]. St. Petersburg, 2021, pp. 124–130.
9. Shevchenko I.A., Chernykh E.V. *Popechitel'stva o narodnoy trezvosti v Rossii nachala XX veka: ot vinnoy monopolii do “sukhogo zakona”* [Guardianship for Popular Sobriety in Russia at the Beginning of 20th Century: From Wine Monopoly to “Dry Law”]. *Nauchnyy dialog*, 2021, no. 1, pp. 426–450. DOI: [10.24224/2227-1295-2021-1-426-450](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-426-450)

10. Stogov D.I. Rassmotrenie v chetvertoy Gosudarstvennoy dume zakonoproektov, napravlennykh na ogranichenie oborota alkohol'noy produktsii (1914–1916 gg.) [Consideration in the 4th State Duma of the Draft Laws Aimed at Limiting Alcohol Circulation (1914–1916)]. Nikolaev A.B. (ed.). *Tavricheskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurida Readings 2020. Topical Problems of Parliamentarism: History and Modernity]. St. Petersburg, 2021. Pt. 1, pp. 133–138.

11. Shevchenko I.A. Vopros o “kabatskoy konstitutsii” russkoy derevni v predstavitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii nachala XX veka [The Problem of the “Pub Constitution” Russian Village in the Legislative Institution of Russia at the Beginning of the XX Century]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noy Rossii*, 2019, no. 4, pp. 18–25. DOI: [10.24411/2541-9056-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2541-9056-2019-00003)

12. Shevchenko I.A. Vopros o narodnoy trezvosti v III Gosudarstvennoy dume (1907–1912) [Problem of People's Sobriety in the 3rd State Duma (1907–1912)]. *Nauchnyy dialog*, 2019, no. 1, pp. 257–268. DOI: [10.24224/2227-1295-2019-1-257-268](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-257-268)

13. Engel B.A. *Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914*. Cambridge, 1994. 254 p.

14. Stavrou T.G. *Russia Under the Last Tsar*. Minneapolis, 1969. 265 p.

15. Vucinich W.S. (ed.). *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford, 1968. 314 p.

16. Worobec C.D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period*. Princeton, 1991. 257 p.

17. *Pskovskiy gorodskoy listok*, 27 May 1892.

18. *Smolenskiy vestnik*, 16 September 1892.

19. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 33 (Pskov Province). 349 p. (in Russ.).

20. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 27 (Orenburg Province). 196 p. (in Russ.).

21. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 34 (Ryazan Province). 662 p. (in Russ.).

22. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 37 (Saratov Province). 673 p. (in Russ.).

23. Menshchikov I.S., Fedorov S.G. *Volostnye sudy i krest'yanskoe pravosudie v Yuzhnom Zaural'e* [District Courts and Peasant Justice in Southern Trans-Uralia]. Kurgan, 2017. 152 p.

24. Sorokin A.A. Krest'yanskiy volostnoy sud Rossiyskoy imperii v otsenkakh obshchestvennosti kontsa XIX v. [The Peasant Volost Court of the Russian Empire in the Estimates of the Public of the Late 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 417, pp. 147–154. DOI: [10.17223/15617793/417/21](https://doi.org/10.17223/15617793/417/21)

25. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 35 (Samara Province). 622 p. (in Russ.).

26. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 12 (Yekaterinoslav Province). 286 p. (in Russ.).

27. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 6 (Vladimir Province). 186 p. (in Russ.).

28. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 40 (Taurida Province). 268 p. (in Russ.).

29. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 47 (Chernigov Province). 442 p. (in Russ.).

30. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 36 (Saint-Petersburg Province). 99 p. (in Russ.).

31. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 14 (Kaluga Province). 326 p. (in Russ.).

32. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 45 (Kharkov Province). 510 p. (in Russ.).

33. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 41 (Tambov Province). 471 p. (in Russ.).

34. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 9 (Voronezh Province). 156 p. (in Russ.).

35. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 7 (Vologda Province). 338 p. (in Russ.).

36. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 44 (Ufa Province). 347 p. (in Russ.).

37. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 37 (Simbirsk Province). 540 p. (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V197

Ol'ga V. Kalyuzhnaya

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
ul. Bol'shaya Nizhegorodskaya 67e, Vladimir, 600020, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9167-6652> e-mail: kalyuzhka@list.ru

PROJECTS AGAINST PEASANT DRUNKENNESS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20th CENTURY

This article examines the projects aimed to combat peasant drunkenness that were discussed by the local committees of the Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry in Russia in 1902–1903. The attitude of the committee members to drunkenness as a social, economic and medical problem is shown. Committee members identified the following factors as provoking peasant drunkenness: monopoly on alcohol (which prompted an increase in illegal trade), large number of holidays, as well as traditions of drinking alcoholic beverages in connection with socially significant events. Further, key negative phenomena of peasant life caused by drunkenness highlighted by the participants of the local committees are analysed here: economic and moral decline, increased crime rate, and growing number of diseases (primarily mental). In addition, the main projects against drunkenness that were discussed by the district and provincial committees are considered. The projects proposed can be roughly grouped as follows: measures for substituting vodka for milder alcoholic beverages (in particular, beer); measures for restricting the use and sale of vodka (a ban on sale during holidays and socially significant events, as well as a complete ban on production and sale); tougher penalties on drunkards; educational measures. The final decisions adopted by the committees were, however, less stringent and mainly focused on reducing the consumption of alcoholic beverages in the street and limiting the places and hours of sale of vodka, as well as on spiritual and moral education of peasants by teachers and clerics.

Keywords: *fight against drunkenness, monopoly on alcohol, vodka, peasantry, peasant everyday life, drunkenness.*

Поступила 30.03.2022

Принята 20.07.2022

Опубликована 22.09.2022

Received 30 March 2022

Accepted 20 July 2022

Published 22 September 2022

For citation: Kalyuzhnaya O.V. Projects Against Peasant Drunkenness in the Russian Empire in the Early 20th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V197